

ЧТЕНИЕ

*Как книги
меняют сознание*

МЫСЛЕЙ

Вероника Райхль

Individuum. Внесерийное

Вероника Райхль

**Чтение мыслей. Как
книги меняют сознание**

«Individuum»

2023

УДК 101
ББК 87

Райхль В.

Чтение мыслей. Как книги меняют сознание / В. Райхль —
«Individuum», 2023 — (Individuum. Внесерийное)

ISBN 978-5-907696-25-9

Книги способны изменить человека: сделать его смелее, определить жизненный путь, помочь справиться с одиночеством и сориентироваться в непонятном мире. Американско-немецкая писательница Вероника Райхль рассказывает о том, как это происходит, на основе интервью с читателями высокой литературы – от работ Гегеля, Хайдеггера и Делёза до книг Ролана Барта, Клариси Лиспектор и Милана Кундеры. Чтобы понять тексты мыслителей, люди ищут взаимосвязи между теорией и чувственным опытом, выбирают фрагменты наугад и переписывают их от руки, читают только в поездках, вступают в диалог с автором, оставляют пометки на полях и выделяют для себя то, с чем согласны или, напротив, готовы горячо спорить. «Чтение мыслей» – руководство по восприятию сложных текстов, проводник в мир мышления, а также захватывающий рассказ о том, как книги помогают нам встретиться с самими собой. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 101
ББК 87

ISBN 978-5-907696-25-9

© Райхль В., 2023
© Individuum, 2023

Содержание

Во власти языка	8
Сны о капусте	8
Стадии сомнения	11
Во всем должен быть простор	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вероника Райхль

Чтение мыслей. Как книги

меняют сознание

© Matthes & Seitz Berlin, 2023

© А. Костюхин, перевод с немецкого, 2024

© ООО «Индивидуум Принт», 2024

* * *

Veronika Reichl

Das
Gefühl zu
denken

Erzählungen

Matthes & Seitz Berlin

Вероника Райхль

ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ

*Как книги
меняют сознание*

Перевод с немецкого
Алексея Костюхина

Individuum, 2024

Во власти языка

Сны о капусте

Сэнди читает Мартина Хайдеггера

Сэнди – человек творческой профессии, а значит, придает форме большое значение. Любой элемент ее работы обладает формой. Она присуща материалу, инструментам и рабочему пространству. Она определяет, сколько длится каждый из этапов ее работы, как Сэнди хранит карандаши и что добавляет за завтраком в мюсли. Она постоянно воздействует на ее намерения. Форма определяет все. В идеале все выбранные формы согласуются друг с другом и придают искусству Сэнди характер завершенности.

Относиться серьезно к форме – то же, что относиться серьезно к жизни. Речь идет не о результате, а о процессе. И это, безусловно, так, хоть Сэнди и приходит в состояние детского восторга каждый раз, когда видит одну из недавно завершенных работ.

Форма, конечно, представляет собой одновременно и содержание, поскольку, внимательно изучив все аспекты формы, можно понять, кто она, Сэнди, и каково ее отношение к окружающему миру, вещам и людям. (Философско-эстетическому дискурсу о форме и содержании Сэнди тоже непременно когда-нибудь посвятит некоторое время.) Однако в конечном счете идеальная форма – не то, что ищет Сэнди. Она пытается обнаружить такой тип мышления, который становится возможным благодаря форме и одновременно выражается в ней.

Сэнди убеждена, что все самые важные мысли посещают ее во время работы. И она готова к ней. Без чтения философской литературы не обойтись, так как это обостряет интуицию. Прежде чем приступить к делу, Сэнди с удовольствием уделяет полчаса Делёзу или Хайдеггеру. И тогда подходящая форма для следующего этапа работы или решение определенной проблемы внезапно приходят к ней, словно знакомый, который неожиданно позвонил в дверь. При этом текст совсем не обязательно должен иметь какое-то отношение к ее творческому проекту, ему лишь необходимо быть содержательным с точки зрения философии.

* * *

В одной из картинных галерей Линца проходит выставка, в которой Сэнди принимает участие. Ее проект заключается в том, чтобы каждый день по несколько часов проводить в галерее за старым деревянным столом, читать «Бытие и время» Хайдеггера и переписывать текст предложение за предложением в качестве символа телесности этого произведения. Переписывание – телесный труд, который приносит человеку совсем иную форму радости, нежели просто чтение, пробуждая одни ощущения и заглушая другие. Текст как бы струится сквозь пальцы и становится осязаемым, будто Сэнди сама его формулирует. Она часто думает о монахах, которые на протяжении всей жизни переписывали священные тексты, и о том, каких усилий им это наверняка стоило.

Сейчас форма подобрана правильно: обыкновенный стол, который Сэнди приобрела специально для проекта, стул из ее мастерской, простая темно-синяя одежда, которую она будет носить на протяжении всей выставки, и теплые шерстяные носки.

Пока в галерее никого нет, в ней тихо и спокойно. Через расположенную напротив письменного стола витрину открывается вид на малолюдную улицу – достаточно пространства

для размышлений. Также и время лежит перед Сэнди подобно широкому полю. Сегодня, и завтра, и послезавтра, и следующие два месяца ей предстоит заниматься только чтением Хайдеггера и переписыванием его произведения. (Этот проект даже кажется ей эгоистичным.) Она открывает книгу, и с того места, на котором остановилась вчера, продолжает перечитывать про себя каждое предложение по нескольку раз до тех пор, пока оно не уложится в голове. В большинстве случаев Сэнди удастся уловить его смысл сразу, по крайней мере приблизительно. Почувствовав, что предложение запечатлелось в памяти, она начинает ровным почерком переносить его на бумагу. Затем еще раз читает переписанный фрагмент. Она читает и пишет:

Почему понимание во всех сущностных измерениях размыкаемого в нем пробивается всегда к возможностям? Потому что понимание само по себе имеет экзистенциальную структуру, которую мы называем *наброском*. Оно бросает бытие присутствия на его ради-чего не менее исходно чем на значимость как мирность своего всегдашнего мира. Набросковый характер понимания конституирует бытие-в-мире в аспекте разомкнутости его вот как вот умения быть. Набросок есть экзистенциальное бытийное устройство простора фактического умения быть. И в качестве брошенного присутствие брошено в способ бытия наброска. Набросок не имеет ничего общего с отнесением себя к измысленному плану, по какому присутствие устраивает свое бытие, но как присутствие оно себя всегда уже на что-то бросило и есть, пока оно есть, бросая.¹

Уже с самого начала ей удастся неплохо сосредоточиться. А приблизительно через полчаса она замечает: процесс пошел! Сэнди хорошо знакомо это ощущение, и тем не менее каждый раз оно застает ее врасплох: в какой-то момент все в ней внезапно активизируется. Все мыслит или, если выражаться точнее, мыслится. Текст преобразовывает ее, работает над ней, и под его воздействием начинают происходить существенные перемены. Это объясняется и тем, что язык Хайдеггера устроен так же, как его мысли. Все согласовано друг с другом и наполнено огромной энергией. Сэнди восхищается тем, как долго и настойчиво Хайдеггер искал подходящую форму для своих мыслей. Вероятно, именно благодаря согласию формы и содержания текст для нее притягателен на нескольких уровнях и при его чтении все в ней приходит в движение и раскрывается. Она чувствует, что оказывается в полном бытии присутствия. Иногда эмоции настолько ее переполняют, что она начинает плакать.

Мышление, которое пробуждает в читателе Хайдеггер, представляет собой базовую способность. Оно реагирует на текст так же естественно, как человек идет, когда ему нужно попасть на другую сторону улицы, или ест, когда чувствует голод. Это инстинктивная способность. Ее использование позволяет Сэнди – звучит довольно пошло или как нечто из области эзотерики, а такой смысл она точно в эти слова не вкладывает, хотя все именно так – почувствовать, как бьется сердце Вселенной.

Сэнди читает не для того, чтобы узнавать новое или накапливать знания, хотя это, само собой, тоже прекрасно. По ее мнению, Платон был абсолютно прав, когда говорил, что все знание уже содержится в нас и нам нужно лишь помочь душе вспомнить известное ей ранее и вновь соединиться с этим знанием. Именно так это и ощущается: при чтении Сэнди будто вспоминает то, что всегда было в ней, но что сама по себе она не могла постичь. Отчетливее всего это чувствуется при чтении Хайдеггера, Агамбена и Делёза.

Пожилая женщина в синем плаще заходит в галерею, осматривается и боится помешать. Сэнди здоровается с ней, и между ними завязывается разговор. По мнению Сэнди, искусство

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 145. Цитаты из переводов В. В. Бибихина приводятся с сохранением авторской пунктуации.

и философия тесно взаимосвязаны, намного теснее, чем может показаться на первый взгляд. И то и другое – экспериментирование и создание наброска. Работа по смещению перспективы. То, что вновь связывает человека с важными вещами.

Женщина чуть заметно улыбается и осторожно кивает. Сэнди продолжает говорить: миру нужно и это тоже. Она, конечно, прекрасно понимает, что другое миру нужно в некотором смысле сильнее: например, врачи, аграрии и программисты. Иногда именно по этой причине ей тяжело просто нарисовать розу. И тем не менее существуют веские причины рисовать розы, а также читать философскую литературу. Необходимо только их вспомнить. Затем Сэнди предлагает женщине попробовать себя в роли переписчика Хайдеггера. Та смеется и отгораживается ладонями, однако вскоре садится рядом с Сэнди, и они обе, сосредоточенно бормоча, переписывают длинный абзац из работы Хайдеггера. Затем пожилая женщина благодарит Сэнди и бодрым шагом, держа рукопись, выходит из галереи на улицу.

* * *

В течение первых четырех недель, проведенных в галерее наедине с Хайдеггером, Сэнди ощущает все большее спокойствие, и ей начинает казаться, что она впервые достаточно спокойна для чтения этого текста. Однако еще через неделю на душе становится тревожно. Во сне Сэнди теперь чувствует запах капусты и сырой земли. Она часто бродит по полям, освещаемым тусклыми лучами солнца. Земля под ногами, как и воздух, наполнена влагой, цветовая гамма скудна. На Сэнди надеты тяжелые кожаные сапоги, и она постоянно чувствует, как на их подошвы налипают увесистые комья земли. Впереди простираются капустные поля: бескрайние ряды бледно-зеленых кочанов, уходящие за горизонт. Бывает, что она идет по черной, вязкой, сырой земле, и сапоги утопают в ней. Раз за разом Сэнди снится, будто на капустных листьях что-то написано. Часто сон заканчивается тем, что она понимает: это покойники пишут на них. Мертвые мужчины, женщины и дети. Иногда это сама земля оставляет след на листьях. Как будто материя порождает самое себя. Во сне Сэнди ощущает себя частью окружающего мира: частью капусты и частью земли, частью процесса написания и состояния описанности. Она – силуэты букв и глянец капустных листьев. Она – тусклое небо и раскинувшиеся под ним поля.

Даже днем в галерее Сэнди, как только открывает Хайдеггера, сразу ощущает запах земли и капусты. Галеристка иронично замечает, что до нее доносится запах, исходящий от уже давно истлевших в земле кожаных штанов Хайдеггера, – и, возможно, так оно и есть. Эта мысль кажется Сэнди забавной, и она смеется, однако в то же время ей становится не по себе. Подобные сны она видит уже целую неделю, и Сэнди понимает, что так больше продолжаться не может. Самое время встать из-за стола, надеть что-нибудь яркое и понежиться в лучах солнца. Пришло время включить поп-музыку, съесть упаковку мармеладных мишек и на самом деле нарисовать розу. Но перед этим ей необходимо выдержать еще три недели выставки наедине с Хайдеггером.

Стадии сомнения

Роджер читает Канта, фон Баадера, Хайдеггера, Деррида и других

1-я стадия. Когда Роджер в двадцать лет только начинал изучать философию, его настольной книгой была «Критика способности суждения» Канта. Начало текста казалось довольно легким. Однако уже через пятнадцать минут Роджер почувствовал, что выбился из сил. Он читал с привычной для него скоростью и не заметил, как ход мыслей автора вдруг резко пошел в гору. Запыхавшись, Роджер уже не понимал, о чем идет речь. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться и еще раз начать медленно читать с начала.

Прошло две недели, прежде чем он научился, подобно лыжнику, подниматься коньковым ходом и переходить от одного предложения к другому: прочитать, затем, даже если все кажется понятным, выдержать паузу и постараться осознать, согласуется ли истолкование со смыслом прочитанного ранее. Если смысл ясен не до конца, перечитать предложение, а при необходимости и предыдущий абзац. Сделать новый, предварительный набросок смысла всего предложения. Сопоставить результат со смыслом прочитанного ранее. Если совпадений нет, поразмыслить над иными возможными интерпретациями прочитанного отрывка. Если это ни к чему не приводит, временно отложить попытки истолковать предложение. Таков первый коньковый шаг. За ним идет новое предложение, а значит, и следующий шаг в гору.²

Некоторые шаги давались Роджеру довольно легко, некоторые отнимали порядочно времени. Однако каждый из них обладал определенным ритмом. Техника подъемного конькового хода помогала Роджеру сохранять спокойствие. Ему очень нравилась идея не устраивать забег от одного кусочка знания до другого, как это было раньше, а медленно подниматься в гору. Отсутствие движения в горизонтальной плоскости, только вертикальный подъем.

До знакомства с этой книгой Роджер и не догадывался, что человек может мыслить подобным образом. Такой способ кардинально отличался от обыденного. Мышление в стиле подъемного конькового хода было спокойным, беспристрастным и холодно-рассудительным. На горной тропе важно принимать решения не сразу. Понимание возникало зачастую намного позже и нередко оказывалось противоположным тому, что Роджер посчитал верным сначала. Подъем коньковым ходом приносил плоды: Роджеру удалось достичь вершины труда Канта. От вида, открывавшегося с высоты, захватывало дух. Повседневные мысли и разговоры остались где-то далеко внизу, у подножия горы.

2-я стадия. Четыре месяца спустя Роджер приступил к чтению одной из работ Франца фон Баадера и пришел от нее в восторг. Текст был трудным для понимания, но Роджер чувствовал, что он содержит в себе некое откровение. Едва уловимое сияние исходило от каждого слова, будто благодаря тексту можно проникнуть в тайны мироздания. Казалось, что некое скрытое знание содержалось на страницах этой книги, но замечали его лишь избранные; даже Роджер еще не приблизился к нему, хоть и поднимался коньковым ходом. Это ощущение присутствия в тексте крайне важного знания усилилось стократно, когда после прочтения нескольких страниц Роджеру встретились три предложения, смысл которых он сумел понять и которые поразили его до глубины души: это было озарение светом истины. Теперь он был убежден,

² Вероятно, здесь автор делает отсылку к идеям немецкого философа Х.-Г. Гадамера. С точки зрения Гадамера, тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет «набрасывание смысла». Как только в тексте начинает проявляться какой-то смысл, делается предварительный набросок смысла всего текста. — *Здесь и далее прим. пер.*

что его первое впечатление верно и на всех остальных страницах тоже содержались подобные озарения – оставалось только их осознать.

В течение следующих недель Роджер приложил немало усилий, чтобы понять текст фон Баадера. Возможная близость чего-то чрезвычайно важного притягивала как магнит. Однако ему не удалось существенно продвинуться по тексту, а то, что получилось извлечь на поверхность, оказалось не таким захватывающим, как он ожидал. Роджеру пришло в голову, что ощущение наличия в тексте скрытого, обладающего едва уловимым свечением знания было ложным. Поначалу он отгонял от себя такие мысли. Однако подозрение, что он стал жертвой какого-то искусного приема, не покидало его. В итоге Роджер отложил работу фон Баадера в сторону, так и не разобравшись, насколько в действительности содержателен этот текст.

Теперь Роджер решил проводить четкую грань между переполняющим душу глубоким предчувствием и устроенным иначе (но также возвышающим) чувством понимания. Это оказалось сложнее, чем он полагал: он знал, что раньше его чтение было связано с постоянными предчувствиями и забегами вперед, вечными предположениями и предвосхищениями. По-другому он действовать не умел. К тому же Роджер всегда был и оставался, несмотря на использование техники подъемного конькового хода, романтиком, которого легко сбивали с толку духовная глубина, удивительные парадоксы и одному Богу известно что еще. Однако он старался не уделять предчувствиям много внимания как раз по той причине, что они так приятно волновали его ум и приводили в экстаз. Теперь Роджер еще более осознанно оттачивал умение сохранять холодный рассудок и беспристрастность: только при полной уверенности в том, что таким холодным взглядом охвачен весь текст, он мог позволить себе им восхититься.

3-я стадия. Во время обучения на старших курсах университета Роджер увлекался континентальной философией: Вальтер Беньямин, французские мыслители и так далее. Его по-прежнему интересовали прежде всего такие тексты, в которых он ощущал присутствие скрытых уровней и тайн. К этому времени ему удалось довести технику размеренного подъемного конькового хода до автоматизма. Теперь Роджер в первую очередь старался как можно внимательнее прислушиваться к текстам. Наряду с восприятием всех деталей целью такого сосредоточенного вслушивания было заметить собственные минимальные раздражения при их прочтении. Если в повседневной жизни он старался не обращать на них внимания, то здесь было очень важно – и отнюдь не просто – их уловить, так как они зачастую становились главным ключом к пониманию и критике текстов. При чтении Роджер регулярно замечал три вида раздражений.

– Раздражения, которые возникают, когда текст вступает в диалог с читателем сразу на нескольких уровнях. Например, когда Роджер читал эссе Ханны Арентс «Организованная вина», потребовалось много времени, прежде чем он – благодаря раздражению – наконец понял, что текст уже в названии раскрывает читателю, что вина в действительности организуется. Это стало для Роджера самым интересным аспектом произведения.

– Места в тексте, где происходит его внезапное размытие. Даже в относительно ясных текстах Роджер не раз неожиданно для себя наткнулся на густую завесу тумана. Подобные места легко пропустить, особенно когда авторы перекидывают через туманную пелену смысловой мостик и надеются, что читатель быстро ее преодолит. Каждый раз, будучи предельно внимательным, Роджер замечал такие места и задавался вопросом: «Почему текст внезапно стал настолько непонятным? Может быть, именно здесь собака зарыта?» При чтении произведений среднестатистического автора можно предположить, что это сделано не нарочно. Автор скрыл что-то от себя и от читателя. Если Роджер начинал копать в этом месте, он часто обнаруживал не преодоленное автором противоречие, на основании которого мог деконструировать все произведение и прийти к следующему выводу: текст основан на фундаментальном парадоксе. Другими словами – выражаясь психоаналитически, – автор подсознательно кружит

вокруг некоего противоречия, которое не сумел разрешить. Возможно, именно оно им и движет.

– Противоречия, которые указывают на искусно спрятанный автором потайной уровень текста. Такие противоречия – скрытые послания, предназначенные для избранных и ускользающие от рядового читателя (а также сильных мира сего). Так, раздражения указывали Роджеру на подобные послания в работах Лео Штрауса. Роджеру очень нравилось находить в его произведениях скрытые между строк послания и причислять себя к избранным.

Внимательное вслушивание в текст, а также всевозможные открытия и разоблачения, которые благодаря этому становились возможными, приносили Роджеру ощущение счастья. Он также стал все увереннее обращаться с текстами. Начал лучше понимать свою предметную область и университетскую среду. Нашел друзей, которые разделяли его взгляды на чтение. И встретил Хлою.

4-я стадия. В двадцать шесть лет Роджер переехал в другой город, перевелся в другой университет и стал жить вместе с Хлоей. Поступил на работу научным сотрудником к молодому, очень успешному и богатому рационалисту и идеалисту. Образ мыслей Роджера, сформировавшийся под влиянием постмодерна, напротив, тяготел к релятивизму. Роджер предвкушал предстоящий интеллектуальный поединок, так как его интересовало все чуждое и неизвестное. Тексты, с основным посылом которых он был готов согласиться уже с первых слов, довольно быстро ему надоедали. Им оказывалось нечего ему предложить. Более того, после их прочтения собственные мысли начинали казаться Роджеру сомнительными и неуклюжими. Идея во всем соглашаться с автором и плыть по течению шла вразрез с его принципами во всех сферах жизни. Он всегда чувствовал, что это неправильно. Несмотря на то что Роджер с радостью ждал встречи с этим чуждым и неизвестным, уже менее чем через две недели аргументы, которые приводил молодой начальник в колледже для аспирантов, выбили у него почву из-под ног. Профессор с легкостью разносил его доводы в пух и прах. Это повергло Роджера в шок. Он был сокрушен. По ощущениям это было похоже на насилие, но обвинить профессора было не в чем. У Роджера поднялась температура. Две недели он лежал в кровати и так сильно потел, что матрас потом пришлось выбросить. Но оправиться после болезни удалось довольно быстро. Через две-три недели он уже сам активно пользовался оружием перформативного самопротиворечия и уничтожал каждого, кто пытался обосновать свою позицию с точки зрения релятивизма. В течение нескольких месяцев он наслаждался триумфом с уверенностью неопита. Сегодня Роджер очень рад, что ему удалось тогда остановиться. Образу мыслей молодого рационалиста недоставало самокритичности и широты – придерживаясь такого взгляда на мир, Роджер едва ли мог думать о вещах, которые были для него важнее всего. Вероятно, ему удалось так быстро остановиться в первую очередь потому, что все время, пока он этим занимался, Хлоя смотрела на него с дружеской насмешкой. И хотя он был рад, что смог сойти с тропы войны, он ни в коем случае не захотел бы отказаться от озарений, пережитых за это время. Они актуальны для него и сейчас, будучи важным инструментом, своего рода сверкой с реальностью.

5-я стадия. Затем Роджер какое-то время с удовольствием читал сочинения авторов, в отношении которых изначально испытывал сомнения. Например, Мартина Хайдеггера и Карла Шмитта. Оба были связаны с национал-социализмом и выбрали весьма неоднозначный путь – как в политическом и моральном, так и, вероятно, в философском плане. Роджер рассчитывал, что его сомнения легко подтвердятся и ему удастся быстро поставить точку в этом вопросе. Он подходил к текстам Хайдеггера и Шмитта с самоуверенной враждебностью, радостно предвкушая полное уничтожение «соперника». Однако тексты оказывали более серьезное сопротивление, чем он ожидал. Роджеру приходилось прилагать больше уси-

лий, прибегая к тяжелой артиллерии. Потребовалось много времени, чтобы оказаться с ними на одном уровне. Пытаясь одержать верх над текстами, Роджер увязал в них все глубже и глубже. Стремясь отыскать контраргументы, он начинал думать сообразно этим произведениям. Роджер постепенно признавал, что тексты толковые и хорошо составлены. Чем лучше он начинал их понимать, тем большее удовольствие приносило ему чтение. На их вершинах было удивительно красиво. Роджер даже выбрал Хайдеггера в качестве темы кандидатской диссертации. Как необычно и удивительно было сойтись в схватке с подобным исполином и выстоять в ней! Только в конце этого длинного пути Роджер осознал, что тексты Хайдеггера напрямую связаны с ним. Они описывали Роджера, мысли в них соответствовали паттернам, которые были сокрыты и в нем самом. И именно те места, которые подпитывали сомнения Роджера, имели к нему непосредственное отношение.

Хлоя тем временем выбрала иной путь. Она стала зарабатывать деньги, занимаясь переводом патентов по электротехнике. Даже не имея соответствующего образования, она вникала в технические аспекты текста и в точности передавала их на французском или английском языках. Такая деятельность очень хорошо оплачивалась: одного или двух рабочих дней в неделю хватало для весьма достойной жизни. И хотя Хлоя продолжала обучение в университете, это перестало быть приоритетом. В ее планы уже не входило написание диссертации. Если для Роджера критическое рассмотрение текстов было смыслом существования, то для Хлои чтение философских трудов представляло собой лишь один из множества факторов, позволяющих человеку вести полноценную жизнь.

Хотя Роджер и позаимствовал кое-что важное у Мартина Хайдеггера и Карла Шмитта, он хотел как можно быстрее от них освободиться – именно по той причине, что ему так нравился их образ мыслей. Шопенгауэр писал, что философы, подобно паукам, прядут паутину, в которую попадает читатель и из которой он уже не может выбраться. И это соответствовало действительности: многие философы пытались при помощи искусно сплетенных текстов заманить Роджера в свои сети и удержать в них. Зачастую им это удавалось, когда, с одной стороны, они позволяли ему что-то понять и слегка приоткрывали завесу тайны, а с другой – как бы говорили: ты еще не до конца меня понимаешь, здесь еще многое можно найти. Такой прием постоянно приковывал его внимание к тексту. Однако мысль, что он надолго окажется во власти одного философа, пугала Роджера с давних пор. Остаться в заложниках у автора было несовместимо с его чувством собственного достоинства. Люди, с которыми это происходило, становились маленькими спутниками, вращающимися вокруг больших звезд. Кроме того, Роджер иногда чувствовал, что и сам может превратиться в такой спутник. Однако, как бы он ни восхищался каким-то автором и как бы ни заражался его идеями, находясь в период обострения болезни под их постоянным воздействием, через какое-то время в его организме вырабатывался стойкий иммунитет к образу мыслей этого философа. Роджер признавал его величие, но в то же время замечал его ошибки, надменность и своеобразную наивность. До сих пор ему всегда удавалось без особых сложностей рано или поздно продолжить собственный путь.

В это время Роджер стал замечать, что все менее склонен проявлять излучающую теплоту естественность в повседневных разговорах. В ходе беседы, например, с соседями на вечеринке или даже с большинством коллег он уже не мог говорить об обыденных вещах в непринужденной манере. Во-первых, в последние годы желание при любой постановке вопроса сначала уйти в себя и как следует поразмыслить стало непреодолимым. Не доверять первому впечатлению, как бы отгородиться от внешнего мира и позволить себе судить о чем-то только после тщательного анализа всегда оказывалось правильной стратегией. Поспешный ответ зачастую выходил поверхностным и почти всегда неверным. У Роджера даже выработалась привычка выдерживать небольшую паузу и при принятии повседневных решений, чтобы посмотреть, не появится ли еще какая-то мысль, которая побудит его взглянуть на проблему с иного ракурса. Так он мог откладывать принятие решения каждый раз, когда это было возможно,

на полчаса, полдня или даже на несколько дней. Во-вторых, Роджер заметил, что, даже просто выражая на вечеринке зародившуюся мысль, он был не в состоянии действовать адекватно ситуации: следуя порывам, разносил в пух и прах аргументы других с излишней горячностью и поразительной точностью. Альтернативный подход – педагогическое стремление разговаривать с близкими людьми на равных и осторожно подводить их к другой точке зрения – казался ему высокомерным и был до глубины души неприятен. Таким образом, что бы Роджер ни делал, он не мог отключить холодный рассудок. Из-за этого он оттолкнул от себя от многих людей; впрочем, лучшие друзья от него не отвернулись.

6-я стадия. Даже после написания диссертации сомнения оставались главным мотивом, побуждавшим Роджера к чтению. Однако теперь его не интересовали сомнения, связанные с биографией авторов. Намного интереснее было обращаться к самим текстам. В этом отношении удивительно было обнаружить в тексте «О грамматологии» Деррида огромную лакуну. Деррида здесь рассуждает о письме, однако не упоминает ни Библию, ни древнееврейское письмо, ни финикийское. В высшей степени странно, что в книге, посвященной письму, нет даже намек на эти центральные этапы его становления. По мнению Роджера, это было весомым поводом для сомнения и открывало многообещающие перспективы. Здесь скрывается какая-то тайна, возможно, объяснимая с точки зрения психоанализа, или даже своего рода скелет в шкафу. Роджер решил, что посвятит этому вопросу докторскую диссертацию. Он шел по следу сокрытого в тексте смысла в поисках искусно спрятанного автором потайного уровня, в то же время не упуская возможности подвергнуть Деррида жесткой критике.

Полемическая схватка с Деррида превратилась в масштабную игру в кошки-мышки. Складывалось впечатление, что философ рассыпал по тексту намеки и расставил ловушки специально для Роджера. Последнему приходилось напрягать все способности, чтобы в интеллектуальном поединке быть с Деррида хотя бы более или менее на равных. Роджеру нравилось, когда философ пытался увести его в сторону и заманить в сети. Месяцы отношений с текстом Деррида стали для Роджера самыми яркими в жизни, а понимание «О грамматологии» – глубже. Роджер был очень благодарен Хлое за то, что та не ревновала и была рада его увлечению. Наконец и при чтении Деррида он достиг точки, когда встретился с самим собой и почувствовал, что текст автора признал его: Роджер заглянул в произведение еще раз и увидел собственное отражение. Заканчивая читать «О грамматологии», Роджер, как раз дописавший диссертацию, находился вместе с Деррида на особой вершине мысли. Оттуда открывался величественный вид, и можно было рукой дотянуться до звезд.

7-я стадия. Спустя год после защиты докторской диссертации Роджер сидел с Хлоей на берегу озера и рассказывал, что порой сам удивляется своему непреодолимому стремлению к деконструкции великих мыслителей, этому эдипову комплексу, заключающемуся в желании убить собственного отца. Его родной отец всегда был человеком мягким и добросердечным. Роджер никогда не чувствовал между ними конкуренции, никогда не хотел стать лучше его, а просто выбрал другой путь, не тот, по которому пошел отец – физиотерапевт и любитель прогулок. Он был далеко не самым плохим отцом. Роджер сделал паузу и подумал о двух близких подругах и нескольких других знакомых из университета, отцы которых были священнослужителями. Хлоя однажды заметила, что, с ее точки зрения, они тоже идут по стопам отцов, просто иной дорогой. Роджер понял, что она имела в виду, и с удовольствием подробно расспросил бы об этом подруг и коллег, но так и не решился: говорить о возможной близости религии и философии в университете было не принято, поскольку обычно это воспринималось как обесценивание последней.

Родители Хлои были психотерапевтами. Она вывела Роджера из задумчивости, предположив, что его отец, возможно, проявлял излишнюю мягкость. Его одобрение было легко

заслужить, и Роджер не воспринимал его всерьез. Вместо этого он искал (и, вероятно, продолжает искать) одобрения, которое действительно имеет для него значение, то есть одобрения со стороны целой ватаги сверхстрогих отцов – философов. Быть может, он подсознательно думает, что одобрение стоит чего-то лишь в том случае, если получено в борьбе. Роджер неопределенно кивнул и ничего не ответил, а затем они с Хлоей пошли плавать.

Ночью после этого разговора он долго не мог уснуть, находясь в дурном расположении духа. Возможно, в словах Хлои есть доля правды. Хотя его безудержное желание разоблачать «отцов» придавало ему энергии, он никогда их не убивал. Как только Роджер понимал, что текст написан слабо, его автор становился ему совершенно не интересен – прилюдно убивать его не имело никакого смысла. Хлоя была права: только в борьбе с лучшими умами он способен признать их величие и в чем-то с ними согласиться. Однако это означало, что его отношение к философам и их тайнам в действительности могло оказаться значительно проще и прозаичнее, а его подъемы в гору – не такими величественными, как он полагал: если Хлоя была права, то его главная цель заключалась в том, чтобы добиться воображаемого признания со стороны умнейших представителей человеческого рода. Даже в мыслях это звучало как-то жалко.

8-я стадия. Роджеру за сорок, и ему по-прежнему нравится при чтении пользоваться требующей максимальной концентрации техникой подъемного конькового хода. Он может посвятить этому много времени, так как зарабатывает на жизнь, трудясь на полставки по бессрочному договору в частном университете. Большинство приглашений выступить где-либо с докладом он отклоняет. Читать и писать для него значительно важнее, чем выступать с докладами или их слушать. Теперь Роджер читает не потому, что испытывает сомнения по отношению к какому-либо автору или тексту. Этот этап уже пройден. Главный источник сомнений, который долгие годы побуждал его к действию, и сам кажется не менее сомнительным – из-за той ситуации с отцами и из-за того, что Роджер по-прежнему не доверяет своей склонности к романтизму, благодаря которой с таким упоением ищет скрытые от посторонних глаз тайны. Эта игра ему уже хорошо знакома. Теперь сомнение вызывает вся предметная область. По мнению Роджера, многое указывает на то, что светские европейские философы до сих пор намного сильнее, чем считают сами, подвержены влиянию христианской традиции. Он намеревается внимательно изучить различные теологические мотивы в трудах континентальных философов. От этой мысли у него на душе становится тепло.

Во всем должен быть простор

Адриан читает Ролана Барта

Летним вечером Адриан сидит в вагоне-ресторане поезда, направляющегося в Братиславу. Там он выступит с лекцией-перформансом на театральном фестивале. За окном проносятся покрытые зеленью поля и луга. Адриан читает «Фрагменты речи влюбленного» Ролана Барта и что-то воодушевленно отмечает в записной книжке. «Фрагменты» состоят из множества небольших отрывков, не связанных между собой и расположенных в алфавитном порядке. Адриан позволяет заголовкам увлечь себя и читает то, что кажется наиболее интересным: «Покажите мне, кого желать», «Изобилие», «Похвала слезам». Под заголовком «Когда мой палец невзначай...» он видит следующие слова:

Палец Вертера невзначай дотрагивается до пальца Шарлотты, их ноги соприкасаются под столом. Вертер мог бы отвлечься от смысла этих случайностей; он мог бы телесно сосредоточиться на крошечных зонах касания и наслаждаться вот этим безучастным кусочком пальца или ноги на манер фетишиста, *не заботясь об ответе* (как и Бог – такова его этимология – Фетиш не отвечает). Но в том-то и дело, что Вертер не перверсивен, он влюблен: он создает смысл – всегда, повсюду, из ничего, – и именно смысл заставляет его вздрагивать; он находится на пылающем костре смысла. Для влюбленного любое прикосновение ставит вопрос об ответе; от кожи требуется ответить.³

В тексте всегда сказано ровно столько, сколько необходимо, чтобы Адриан без труда сумел уловить фигуру мысли, ровно столько, сколько требуется, чтобы его охватило определенное чувство. Текст как бы состоит из витающих в воздухе наблюдений, каждое из которых представляет собой новое начало. Они напоминают незаконченные карандашные наброски. Адриану это очень нравится, потому что во всем, с его точки зрения, должен быть простор, так как любой мысли требуется пространство, чтобы развернуться. Ничто не должно быть закрытым или неподвижным, поскольку все самое важное в тексте происходит между словами, между предложениями, там, где есть зазор. Так что-то может проскользнуть внутрь или вырваться наружу. Поэтому небольшие бартовские пассажи удивительны: они не занимают собой все пространство. Однако, даже читая Барта, Адриану иногда хочется воскликнуть: «Стоп! Довольно!» Это происходит потому, что он уже собрал достаточно элементов мозаики. Прежде чем Адриан успевает дочитать очередной короткий фрагмент, его голову уже начинают переполнять собственные мысли. Его постоянно посещают идеи, которые до знакомства с Бартом не приходили ему на ум. За окном мелькает летний пейзаж. Адриан заказывает вторую чашку кофе и кусок грушевого пирога. Затем приступает к чтению следующего отрывка. В нем говорится о том, что означают слова «Я люблю тебя»:

³ Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / Пер. с фр. В. Е. Лапицкого. М.: Ad Marginem, 2002. С. 297.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.